

“ХОЛОКОСТ ОСЕНИ” ДЕСМОНДА ИГАНА: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ИРЛАНДСКОГО ПОЭТА

© 2005 А.Л. Савченко

Воронежский государственный университет

В 1994 г. ирландский поэт Десмонд Иган выпустил в свет книгу стихов “Холокост осени” (“In the Holocaust of Autumn: a sequence in eight parts with an Epilogue”). Этот поэтический сборник, названный Д. Иганом “sequence”, представляет собой своеобразный цикл стихотворений, расположенных в определенной последовательности. В каждом стихотворении воспроизводится более или менее законченный и зримый образ, а взятые вместе, эти стихи образуют некую общую картину, сравнимую с кинофильмом, составленным из отдельных кадров. Семь стихотворений из восьми не имеют заглавия; они пронумерованы римскими цифрами, что сразу же указывает на некую упорядоченность и цельность этого небольшого цикла стихов Д. Игана. “Холокост осени” посвящен, как явствует из названия, трагическому событию в истории еврейского народа, которое случилось во время Второй мировой войны, — массовому истреблению фашистами евреев по национальному признаку.

Тема Холокоста всегда привлекала к себе внимание и писателей, и поэтов всего мира, ибо потрясение от уничтожения людей в газовых камерах концлагерей, которые немецкие фашисты построили как в Германии, так и в оккупированных ими странах, расстрелы сотен тысяч евреев на Украине, в Белоруссии и других республиках Советского Союза и государствах Восточной Европы и Австрии, вызывало желание запечатлеть все это в художественном слове. На фоне бесчисленных произведений мировой литературы книга Д. Игана кажется лишь небольшим и скромным вкладом в осмысление фашизма, нацизма и расизма, однако она несет огромную смысловую нагрузку. В “Холокосте осени” поэт интерпретирует тему преднамеренного уничтожения евреев с неожиданного, особенного для русского читателя, ракурса: он проводит параллель между страданиями еврейского народа в 1930-х — первой половине 1940-х гг. и уничтожением ирландцев, которому подверглась эта

небольшая европейская нация со стороны англичан на протяжении нескольких столетий своей истории.

Весьма знаменательно краткое предисловие, предпосланное стихотворному циклу и написанное Беном Бриско, занимавшим пост лорда-мэра столицы Ирландии г. Дублина в 1988—89 гг. Оно представляет собой краткий экскурс в историю взаимоотношений между евреями и ирландцами. Б. Бриско делает основной акцент на факте, который никогда не выпячивается ирландцами: Ирландия являлась одной из немногих стран мира, где евреи не подвергались гонениям и где они не чувствовали себя нежданными и нежеланными гостями. Мэр г. Дублина вспоминает о первых еврейских общинах, появившихся на “зеленом острове” еще в XIII в., а также о беженцах-евреях из других стран, осевших в стране в XV и XVI вв. Он упоминает и о строительстве двух синагог в XVII в. в Дублине, что позволило евреям легитимно отправлять свои религиозные обряды, и о законе о натурализации граждан, исповедующих иудаизм, изданном еще в 1796 г., что, естественно, послужило стимулом для переезда в Ирландию евреев, решивших избрать эту страну местом жительства и принять как свои собственные некоторые законы и обычаи ирландцев. Так к концу XIX в. в столице Ирландии образовался квартал, названный “Маленьким Иерусалимом” из-за концентрации в нем евреев.

Как отмечает Б. Бриско, наибольшее число евреев проживало в Ирландии в конце Второй мировой войны, ибо в этой стране можно было не опасаться за свою жизнь. Однако впоследствии из-за эмиграции их количество сократилось. Но, как подчеркивается в предисловии, евреи наряду с ирландцами получили право участвовать в выборах и быть избранными в парламент. Таким образом, на протяжении многих веков ирландцы и евреи находились в дружеских отношениях, и тем больше и трагичнее для ирландцев были известия о Холокосте, которому подверглись евреи во всем мире.

«Ирландцев иногда называли “потерянным племенем моисеевым”. И я не удивляюсь этому. История двух народов протекала параллельно. Граждане второго сорта в своих странах в течение многих столетий... наши народы никогда не потеряют уважения друг к другу и всегда найдут взаимопонимание» [3, 13], — читаем в предисловии.

Думается, что Д. Игану удалось рассказать в своем небольшом поэтическом сборнике о страданиях гонимого еврейского народа, начиная с времен Иисуса Христа и кончая современностью, а также тактично и деликатно сравнить трагические судьбы евреев и ирландцев.

Первое из восьми стихотворений сборника начинается с воспоминаний о “всесожжении осени” (напомним, что одно из значений слова “holocaust” — всесожжение), когда “among the cemeteries of leaves” [3, 15] на “кладбище листьев” [1, 93], которое видит поэт, легко воскрешаются в памяти времена Второй мировой войны, “иная осень” [1, 93] и концлагеря:

*“земля в колючей проволоке ненависти
дозорные вышки
печные трубы торчащие” [1, 93].*

Д. Иган рисует войну как огромную катастрофу, когда по “умирающей Европе” [1, 93] шагали немецкие солдаты, не знавшие жалости и к детям, и к взрослым, у которых даже “рассудок в военной форме” [1, 93], когда на многие страны Европы обрушивались “груды свинца” [1, 93], когда безгранично было человеческое горе, когда всюду царил хаос и разруха. И перед мысленным взором поэта встают “голодные глаза” [1, 93] людей, недоуменно спрашивающих, почему началась эта война. Однако на этот вопрос им не суждено получить ответ:

*“famine eyes
eyes that scream why?
eyes that carry whole families
eyes not dead to hope
knowing there is none
eyes we recognize” [3, 16].*

*“голодные глаза
глаза вопрошающие “почему?”
глаза в которых еще не умерла надежда
хотя уже не может быть никакой надежды
глаза которые мы узнаём”
(пер. мой. — А. С.).*

В Стихотворении II Д. Иган задается вопросом: как может продолжаться жизнь на земле после огромной трагедии Холокоста и Второй мировой войны:

*“как может зарождаться рассвет
так же невинно как всегда?” [3, 17]
(пер. мой. — А. С.).*

Эти строки, безусловно, заставляют читателя думать о том, что после страшной военной катастрофы мир если не погибнет, то каким-то образом реформируется, так как кажется, что разрушено буквально все, что жизнь во всех ее проявлениях прекратила свое существование: утро не должно начинаться, птицы — петь, солнце — всходить. Однако, к великому недоумению поэта, ничего подобного не происходит.

Здесь уместно обратить внимание на структуру стихотворения и вспомнить слова известного отечественного литературоведа Ю. М. Лотмана о том, что “любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительное значение”, что “любые элементы... могут возводиться в ранг значимых” [2, 36]. Так и Д. Иган придает большое значение синтаксическому построению стиха. Обычно он отвергает знаки препинания, включая точки, запятые, вопросительные и восклицательные знаки. В Стихотворении II цикла он использует три вопросительных предложения с вопросительным знаком в конце каждого, а в финале не ставит точку, стремясь, по-видимому, к открытой концовке. Заметим, кстати, что слова, обозначающие живые существа, а также называющие предметы (“птицы”, “кусты”, “облака” и др.), употребляются поэтом в метафорическом значении, что в значительной степени усиливает его основную мысль: после катастрофы жизнь и природы, и человека продолжается.

*“как может так ясно заниматься заря
и птицы так радостно петь
или живая изгородь ночью оттенять
не осознающий своей красоты
яркий солнечный свет?”*

*как могут живые ростки нашей жизни
сиять с такой огромной надеждой
или огромные облака так удивительно красиво
клубиться рядом со всем
что нам так необходимо?” [3, 17]
(пер. мой. — А. С.).*

Финал стихотворения симптоматичен и отражает истинное положение вещей и душевное состояние поэта: красота мира, который существует, несмотря на Холокост, отвергается им всего тремя лаконичными строчками, состоящими из двух глаголов to smell и to taste, существитель-

ного ash, которое называет последствия сожжения людей, и наречия everywhere:

*“smell it
taste it
that ash is everywhere” [3, 17].*

*“почувствуй тот запах
попробуй его на вкус
тот пепел повсюду”
(пер. мой. – А. С.).*

Выбрав всего лишь одно слово – “пепел”, звучащее у поэта полисемантически, для обозначения Холокоста, Д. Иган строит свое произведение на контрасте живой и неживой природы, вводя такие вечно существующие понятия, как рассвет, утро, день, ночь и солнечные лучи. Он противопоставляет их “пеплу повсюду”, тем самым добиваясь максимального эффекта. Читатель просто физически ощущает трагедию людей, сгоревших в газовых камерах. Только пепел напоминает теперь об их загубленных жизнях, и он “стучится” в сердце каждого нормально чувствующего человека.

Как это часто бывает в поэзии Д. Игана, текст стихотворения разделен на два – основной и вспомогательный, что является одной из характерных черт его творческого почерка. Он полагает, что вспомогательный текст призван усилить идею основного или же позволяет более четко и ясно высказать собственное мнение по поводу того, о чем идет речь в стихотворении. Графически вспомогательный текст, расположенный на правой стороне страницы, обычно выделяется курсивом, что, естественно, скорее привлекает к себе внимание, чем если бы он был набран обычным шрифтом. Так и в этом стихотворении во вспомогательном тексте Д. Иган, обращаясь к “странствующему сквозь годы времени” [3, 17], которое, как известно, безжалостно и безразлично к человеческим бедам и трагедиям, говорит и о том, что только люди из всех живых существ способны воспринимать время, как будто предчувствуя, что именно оно несет в себе.

Почти во всех последующих стихотворениях цикла трагедия еврейского народа в трактовке Д. Игана теснейшим образом переплетается со страданиями ирландцев, которые им пришлось пережить на протяжении своей многовековой истории. Именно общее горе, считает поэт, позволяет ирландцам лучше понять евреев и принять их судьбу как свою собственную.

*“и в Ирландии
есть места где не поют птицы” [1, 95], –
читаем в Стихотворении III.*

Здесь прошлое связано с настоящим, как, может быть, нигде в мире, здесь люди не могут найти успокоения, так как

*“...расколота надвое обнесенная
пограничной проволокой
душа вздрагивает в такт
оркестру печали чьи звуки приходят
из-за зазубренных стен” [1, 95].*

Поэт явно намекает на Северную Ирландию, где положение дел никак не может нормализоваться до настоящего времени, где религиозная рознь отягощает жизнь ее населения, где многие все еще остаются узниками тюрем.

Мысль об общности судеб евреев и ирландцев находит продолжение в Стихотворении IV, начинающемся с воспоминаний об этнических чистках, которым они подвергались, причем стоит обратить внимание на то, что стихотворение начинается не с главного, как это обычно бывает в поэзии, а с придаточного предложения:

*“and because you like us
were born it might seem to suffer
ethnic cleansing ahead of its time” [3, 21].*

*“потому что мы
родились как будто затем
чтоб этническим чисткам
подвергаться еще до того
как они начались” [1, 97].*

Такая конструкция фразы усиливает мысль об общности страданий двух наций и сходства их в том, как их физически истребляли. Автор стихотворения с чувством глубокого сострадания рассказывает о том, что нелегкая жизнь евреев заставляла их странствовать по всему миру в поисках пристанища и что память об этом сохранится надолго:

*“нам ирландцам известно
сколь память у вас глубока
сколь ничтожен столетия срок” [1, 97].*

Д. Иган находит некую общность между двумя нациями и в их печальных песнях, и в “ироничности нашей ирландской сродни” [1, 97], и в их стремлении “быть любимым любой ценою”, рассеяться по земле “ради прощения” [1, 97], и в том, что они не могут поведать людям о своих истинных чувствах и страданиях, ибо все притеснялись сильными мира сего.

Поэт фокусирует внимание читателя на том, что правительства многих стран (он называет их “стальными династиями” [1, 99]) в корне пресе-

кали желание обеих наций остаться самими собой, сохранить собственную неповторимость,

“неусыпно следили чтоб наша удача ускользала от нас” [1, 99],

подавляли искренние чувства, заставляли забыть родной язык, что в большей степени свойственно ирландцам, нежели евреям, так как исконный язык ирландцев — гэлльский — перестал быть средством общения в настоящее время и остался только языком фольклора, старинных народных легенд и преданий, и его понимают не все ирландцы, в то время как в государстве Израиль иврит приобрел статус национального языка. Тем не менее “языковые пробелы” [1, 99] все же существовали, пишет Иган, оставили для обеих наций

“отчаянную необходимость смеха вместо рыданий” [1, 99].

И ирландцам, как и евреям, ничего не оставалось, кроме пения “все тем же надломленным голосом” и “надрывной музыки” [1, 99].

Евреям не разрешали исповедовать иудейскую религию, они были вынуждены скрывать свою национальную принадлежность, за отказ подчиниться подвергали пыткам и даже “мечты заливали кипящей смолой” [1, 99], чтобы отнять у них последнее утешение. Их “обращали в марранов”, то есть в людей, принявших по расчету или насильно христианство. Однако тайно они все же исповедовали свою религию. Кстати, много марранов прибыли в Ирландию в качестве торговцев во времена О. Кромвеля и ассимилировались в этой стране.

Таким образом, Д. Иган, рисуя картину страданий этих людей, затрагивает разные сферы их политической, экономической, религиозной и эмоциональной жизни.

Верный своему принципу построения двух текстов стихотворения — основного и вспомогательного, поэт во вспомогательном тексте, как бы суммируя свои размышления о положении двух наций, в истории которых он обнаруживает много общего, идентифицирует своего лирического героя и с ирландцем, и с евреем:

*“my life cut out in two
I cried for years” [3, 23].*

*“жизнь разорванную пополам
я оплакиваю долгие годы” [1, 99].*

Он ощущает все происшедшее с этими людьми так, как будто сам прошел через Холокост,

пытки и оскорбления, будто сам был “разоружен и поставлен на колени” [1, 99].

Известно, что “стихотворение — сложно построенный смысл. Это значит, что, входя в состав единой целостной структуры стихотворения, значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений и противопоставлений, невозможны в обычной языковой конструкции. Это придает и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку” [2, 38]. Так и в Стихотворении V вспомогательный текст как бы вторит основному и является четко построенной конструкцией, состоящей всего лишь из пяти строк. Поэт использует курсив не только в качестве графического средства, но и как значимый смысловой элемент, помогающий лучше и глубже проникнуть в замысел автора. С помощью четырех лаконичных фраз, три из которых представляют собой эллиптические предложения, Д. Иган последней, “ударной” фразой подводит итог всего, о чем говорилось в стихотворении:

*“I must remember
everything” [3, 23].*

*“я должен помнить
обо всём”
(пер. мой. — А. С.).*

Немаловажное значение имеет и расположение фраз вспомогательного текста: напечатанная со строчной, а не с заглавной буквы, каждая из них отстоит друг от друга на значительном расстоянии, и по сравнению с основным текстом эти фразы занимают только половину страницы. Но они, может быть, скорее бросаются в глаза читателю именно из-за своей малочисленности и курсива. Как видим, в выражении авторской интенции играют определенную роль не только выбор слов, фигуры речи и другие литературные приемы, но и чисто графическое оформление стихов, имеющее собственную коннотацию. Вот и в этом стихотворении слово “everything” занимает отдельную строчку, позиционируя всеобъемлемость человеческой памяти, которая не должна упустить ни малейших деталей, связанных с трагедией двух народов.

В следующем стихотворении цикла, имеющем иудейское название “Akeldama” (поле, залитое кровью), так же, как и в предыдущем, разделенном на основной и вспомогательный тексты, сравнивается еврейский Холокост времен Второй мировой войны с трагедией, случившейся в ирландском графстве Килдер в 1798 г., когда были повешены 350 повстанцев. Они протесто-

вали против засилия англичан, которые расправились с ними с особой жестокостью: генерал-майор Д. Дафф, командовавший войсками, окружив восставших, приказал им сложить оружие и просить прощения у короля. Он велел своим солдатам беспощадно расправиться со всеми повстанцами. Тела тех, кто был повешен, так и остались висеть на деревьях в назидание оставшимся в живых. Дорога (“*carriegeway*”) из Ньюбриджа до Килдера напомнила поэту Аппиеву дорогу в Риме, на которой были повешены рабы, участвовавшие в восстании Спартака. Д. Иган пишет о том, что люди, едущие по равнине, на которой расположено графство Килдер, до сих пор слышат

*“their shouts and sobs still
scream quietly across the fields”* [3, 25].

*“крики и негромкие рыдания
разносящиеся по полям”*
(пер. мой. — А. С.).

Что касается самого поэта, то он утверждает:

*“never can I pass without getting
the smell of fresh blood
never”* [3, 25].

*“я никогда не могу проехать мимо этих мест
не почувствовав запах пролитой крови
никогда”*
(пер. мой. — А. С.).

Поэт подчеркивает в каждом стихотворении цикла, что все на свете взаимосвязано, что ни одно событие не проходит бесследно и что солидарность и сострадание к погибшим чувствует каждый порядочный человек.

Поле, залитое кровью, — образ, взятый из древней истории иудеев, заставляет поэта почувствовать:

*“what it might mean
to be a Jew”* [3, 25].

*“что значит
быть евреем”*
(пер. мой. — А. С.).

Можно было бы предположить, подразумевая название стихотворения, что во вспомогательном тексте Д. Иган нарисует масштабную картину уничтожения евреев в период Холокоста. Однако он этого не делает, сохраняя приверженность лаконичной обрисовке событий и сдержанности в использовании художественных

средств. Ему достаточно сравнить поле, залитое кровью, с “сумерками человечества”, начинающимися сгущаться, в которых царствуют только газ и пыль (намек на газовые камеры). И выясняется, что те, кто привыкли жить, разрушая все на своем пути, оказываются неспособными оставить что-либо ценное после себя.

В Стихотворении VII доминирующей становится мысль о людских страданиях и о беспредельности горя, “об убийствах век за веком” [1, 101], о глазах жертв Холокоста, вобравших в себя ужас существования под пытками фашистов, о голоде, от которого люди умирали (им давали столь мизерные пайки, что было просто невозможно выжить). И как результат всех этих зверств — слова, заключающие это стихотворение:

*“a mound of gold teeth
sackfuls of hair”* [3, 27].

*“холм золотых зубов
мешки человеческих волос”*
(пер. мой. — А. С.).

Большой известностью среди ирландских читателей пользуется Стихотворение VIII, очевидно потому, что оно наполнено глубоким общечеловеческим содержанием. Его первая строфа свидетельствует о самоценности человеческой жизни:

*“save one person save a world yes
but kill one and
something goes out of everything”* [3, 29].

*“спаси одного и ты
спасешь мир верно но
убей одного и все рухнет”* [1, 103].

И действительно, со смертью каждого человека уходит его неповторимый внутренний мир, ибо каждый человек самодостаточен и его утрата невосполнима. Д. Иган опять сравнивает судьбы евреев и ирландцев, а Холокост — с тем, что испытали ирландцы в XIX в., когда страну охватил голод 1846—1849 гг. Развивая тему Холокоста, он вспоминает Великий Голод 1847 г., когда около трех миллионов ирландцев или погибли от недоедания, или вынуждены были покинуть пределы своей родины в поисках лучшей доли:

*“поэтому мы потерявшие
надежду целыми графствами
мы испытавшие холокост
в далеком 1847
и века изгнания*

*в своей собственной стране
мы оплакавшие не счесть
сколько жертв резни
несем в крови печаль* [1, 103].

И в “Эпилоге” “Холокоста осени” поэт снова и снова говорит об общности судеб еврейского и ирландского народов, называя ирландцев “потерянным племенем” (имея в виду “потерянное племя моисеево”), что, по его убеждению, еще больше роднит их с евреями.

*“very well then
let us sing together”* [3, 31].

*“очень хорошо тогда
давайте петь вместе”*
(пер. мой. — А. С.), —

таким призывом заканчивается “Эпилог”, а вместе с ним — и вся книга, которая достаточно своеобразно и самобытно трактует страшную катастрофу XX в. — Холокост — и связывает ее с трагедией ирландцев.

Д. Иган не создал пространных произведений о Второй мировой войне, но то, что принадлежит его перу, расширяет наше представление о чувствах и страданиях людей, эту войну переживших.

Короткая поэма “Хиросима” (1986) навеяна поездкой в Японию и потрясением, которое испытал поэт от посещения места, где была взорвана атомная бомба:

*“Хиросима твоя тень выжжена
на граните истории”* [1, 109], —

начинает свое произведение поэт, и первая фраза звучит строго и торжественно. Он хорошо осознает, что Хиросима навеки вошла в историю человечества. Для Д. Игана, как и для других паломников, этот город является местом, где можно плакать о погибших, не стесняясь слез, это место, где “стеклянная пуля память” [1, 109] напоминает о сотнях тысяч жертв, умерших в одночасье, от которых остались только тени и пепел.

Поэт верен своей лаконичной манере письма и в этом стихотворении: ему достаточно одной зарисовки, для того чтобы показать безграничность страданий жертв американской бомбардировки. Из множества погибших он выделяет двоих — ребенка, получившего смертельные ожо-

ги, и солдата, протягивающего ему стакан воды, запечатленных на фотографии в музее города Хиросимы.

*“...солдат
с участием предлагает стакан воды
обожженному ребенку
который не может даже отозваться”* [1, 109].

Д. Иган не пишет о тысячах и тысячах людей, заболевших лучевой болезнью и умерших от нее. Он только упоминает “тонкие бумажные журавлики” [1, 109], и эта строчка стихотворения приобретает особый подспудный смысл. Журавлики, согласно народным традициям, мастерили японцы, лелея последнюю надежду на выздоровление от последствий ядерного излучения. Поэт рассказывает и о взрыве бомбы, принесшей смерть в Хиросиму:

*“об эпицентре взрыва где
сотни тысяч душ
в единый миг расплавились”* [1, 109].

И спустя несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны, полагает Д. Иган, в жизни слишком много обездоленных, слишком много “марионеток-военных” [1, 107], которые способны развязать новые войны, “слишком мало мира” [1, 107]. Но мир — слишком хорошее место для того, чтобы портить его враждой и распрями. Лучше всего, обращается поэт к своему читателю в стихотворении “Мир” (1986):

*“просто пройди по дороге
пройди
под густыми деревьями
которые шепчут о мире*

*...просто вступи в круг гармонии
с полями с голубыми будничными холмами
лужицами солнечного света”* [1, 105].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иган Д. Избранное / Д. Иган. — Воронеж: Родная речь, 2000.
2. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. — Л.: Просвещение, 1972.
3. Egan D. In the Holocaust of Autumn / D. Egan. — Newbridge: The Goldsmith Press Ltd., 1994.